

Ирис Зимбицка

*РАССКАЗЫ ИЗ ЖЕНСКОГО
ПРИЮТА*

Дорога в темноте

Ирис Зимбицка

**Рассказы из женского
приюта. Дорога в темноте**

«Издательские решения»

Зимбицка И.

Рассказы из женского приюта. Дорога в темноте / И. Зимбицка —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903502-8

Домашнее насилие — это не статистика, процентное соотношение или соревнование в том, кто какую позицию займет на шкале «самых худших», это проблема всего мира, которую мы должны решать сообща. И если в развивающихся странах домашнее насилие часто списывают на культурные пережитки прошлого, то в развитых странах это огромное черное пятно в социальной политике, прежде всего демонстрирующее недостатки существующей системы, где приюты являются только временным решением проблемы.

ISBN 978-5-44-903502-8

© Зимбицка И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Эмигранты	7
Суоми	11
Shelter	15
Ум Нур	18
Радия	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рассказы из женского приюта Дорога в темноте

Ирис Зимбицка

© Ирис Зимбицка, 2018

ISBN 978-5-4490-3502-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга основана на реальных историях из жизни женщин, которых мне случилось повстречать в женском приюте по защите от домашнего насилия одной из самых развитых стран Европы. Мы часто убеждены в том, что высокий уровень жизни неизменно предполагает и высокий уровень морали, однако утверждение, что палка всегда о двух концах, остается верным. Под тихими водами кажущегося спокойствия и удовлетворенности скрывается несчетное количество камней, которые трудно разглядеть, пока сам не упадешь в эти воды, не окунешься в них с головой. Тогда, пытаясь выбраться, выплыть на поверхность, начинаешь видеть. Это что-то, вроде второго дыхания у спортсменов – пока организм не достигнет пределов своих возможностей, оно не откроется.

Книга состоит из историй девяти женщин разного возраста, из разных стран, с совершенно непохожим прошлым и социальным статусом. Их объединяет то, что на определенном этапе своей жизни всем им пришлось сделать выбор, который подчас означал выбор между жизнью и смертью. Это женщины-эмигрантки – жертвы домашнего насилия, которые в одиночку боролись за свое счастье в чужой стране. Женщины, которым достало мужества сказать «нет» насилию и унижениям. В этой книге их всего девять, но сколько их вокруг нас, тех, о беде которых мы не знаем и, быть может, никогда не узнаем.

Почему я решила об этом написать? О судьбах отвергнутых и одиноких, о чужой, мало знакомой стране, о тех ежедневных трудностях, которые приходится преодолевать женщинам-эмигранткам. Возможно, для того, чтобы пробудить чувство близости с теми, кто так далек от привычной зоны комфорта общества, подогнанного под искусственные стандарты счастья, напомнить о том, что то, что принято воспринимать как должное, как некий базис обыкновенной жизни обыкновенного человека, подчас может превратиться в трудно-досягаемую мечту. Возможно, для того, чтобы напомнить тем, кто прошел через ужасы домашнего насилия и трудности эмигрантов, о той борьбе, которую другим еще только предстоит преодолеть. Возможно, просто для того, чтобы не забывать о бесценности свободы. Ради объединения, взаимопомощи, толерантности и взаимоуважения.

Домашнее насилие, эта одна из самых уродливых форм угнетения человека человеком, часто находящая себе оправдание в давно отживших себя обычаях прошлого и поведении жертвы, не имеет право на существование. Поэтому так важно раскрыть историю каждой героини и перестать воспринимать их как единую массу, посочувствовать, вместе посмеяться, вместе поплакать и понять, что перед нами человек, а не очередная цифра статистики. Ради взаимопонимания, сочувствия и принятия друг друга, ради того, чтобы задуматься над изъятиями современного общества эпохи глобализации – ради всего этого я решила написать об этих чудесных, замечательных, сильных женщинах, проживавших в приюте по защите от домашнего насилия на окраине небольшого городка в Финляндии в период с 2008 по 2009 год.

Удался ли мой замысел – это решать Вам, мой дорогой читатель.

Эмигранты

Центральный автобусный терминал и торговый центр Камппи в Хельсинки

Во время переезда каким-то чудом вдруг находят самые неожиданные вещи. Брошь, которую вы потеряли лет пять назад, и больше ее в продаже не было. Книга, которую вы не вернули в библиотеку еще в студенческие годы, кажется, это было на третьем курсе, и вы трижды продлевали абонемент. Сувенир, привезенный вами из командировки, в последствии ставший ненужным и удаленный с почетного места на книжных полках. Старый фотоальбом с пожелтевшими фотографиями, группками лежащими между страниц. Из-за этой старой привычки вкладывать фотографии между

страниц альбом раздулся и, важно выпятив живот, глазел на вас из пыльной коробки, о существовании которой вы уже и вовсе забыли.

Во время переезда находится много разных вещей. Ложки-одиночки вдруг появляются из ниоткуда, старые перчатки, открытки, подписанные к двадцатилетию; коллекция журналов, записные книжки с номерами телефонов, по которым уже давно никому не дозвониться; огарки свечей, использованных во время сбоя электричества; старые школьные тетради в клетку.

Все эти вещи, как будто заколдованные, ждали своего часа, чтобы вновь предстать перед вашими глазами, оживив давно поблекшие, покрытые пылью воспоминания.

Особое место среди этих находок занимают тетради в клетку. Да, именно в клетку, не в линейку, и без полей. Те самые тетради, где нужно было отсчитать 4 клеточки скраю и провести красной ручкой поля. Иногда в спешке поля получались кривыми, иногда продавленными на следующую страницу. Эти тетради предназначались для математики, физики и других предметов из точных наук. Но универсальность клетки превзошла ее предназначение, и тетради множились и передавались из рук в руки, из класса в класс с нарастающей популярностью. Такие гулящие тетради в клетку называли «анкетами». Они были идейными революционерами своего времени, прародителями соцсетей. С острыми, забавными, риторическими и банальными вопросами, а иногда и вопросами с подтекстом, анкеты составляли целый мир.

Свой тайный мир надежд и откровений, планов и любви, с легким налетом игры, в которую были вовлечены все.

Перебирая старые книги и тетради и удивляясь их живучести, я наткнулась на одну, обклеенную наклейками и вырезками из журналов. Во время переезда находится много разных вещей, но мало кто из нас ожидает увидеть вещь, на которую можно было бы повесить ярлык истории. Хотя мы часто сохраняем свои старые игрушки, одну – самую любимую, которую впоследствии разбирают на части наши дети, но, видимо есть какая-то магия в словах, написанных на бумаге, полустертых временем, внезапно ставших нам такими близкими. Я перечитывала старую анкету, как будто прощаясь со всем, что когда-то составляло мою жизнь и окружающий меня мир. А еще через некоторое время эта безмолвная хранительница чужих тайн отправилась на стопку макулатуры, которую в свою очередь переработают и используют в новых целях.

Это был не обычный переезд, пожалуй, даже вовсе и не переезд, а бессрочный отъезд без права на размышления. Эмигрантка – этот статус закрепится за мной с того дня на много долгих лет, разделив жизнь на короткие, но многозначительные «до» и «после». Эти два наречия стали обязательными и неизбежными практически при любом разговоре. С помощью этих же наречий определялась и степень удовлетворенности своим положением.

Одна из самых типичных фраз эмигрантов – *до переезда мы...* а дальше можно услышать все что угодно, от милых детских воспоминаний до сожалений о неудачной карьере или любви. Во время встреч эмигрантов в подобных разговорах участвуют все без исключения – от самых удачливых, чья жизнь после переезда существенно и качественно улучшилась, до самых невезучих, мечтающих о доме, но так никогда и не решившихся вернуться. Эта коллективная ностальгия помогает почувствовать себя частью сообщества внутри большого общества, частью которого мы еще не стали. Чувство принадлежности можно назвать чем-то вроде пункта назначения у эмигрантов, который обычно не обсуждается, но при этом незримо присутствует во всех аспектах нашей жизни. Это постоянная ломка стереотипов, перестраивание и подстраивание, борьба с несчетным множеством внутренних голосов, напоминающих о том, что правильно, что принято, что важно – но только не здесь, а там, откуда мы приехали. Это желание вписаться в общую картину нового общества, какое-то бессознательное чувство благодарности и стремление к изменениям всего, что в нас есть «неправильного», «неподходящего», часто приводит к кризису личности, почти неизбежному разрыву с корнями, что позже проявляется в параноидальном стремлении к воссоединению с родиной – мы начинаем слушать только родную музыку, смотреть только отечественное кино, общаться исключительно со своими земляками, и все, что связано с условным периодом «до», окрашивается исключительно в положительные краски.

Первому поколению эмигрантов всегда сложно. И дело даже не в языке или вынужденной смене профессии. Мы приезжаем со своим багажом традиций, принципов, воспоминаний. Мы пытаемся втиснуться в сложный пазл незнакомого общества и постоянно обнаруживаем лишние углы в своем собственном пазле. Мы подтачиваем их, срезаем, если нужно, чтобы подходить по форме и размеру, иногда жертвуя самым дорогим, но через какое-то время новые углы снова выталкивают нас из общей, казалось бы, законченной картины. И снова начинается процесс преобразования. Он, собственно, никогда и не прекращался, просто иногда границы лунки оказываются настолько размытыми, что нам кажется, мы достигли той самой идеально подходящей формы. Но это чувство никогда не бывает постоянным.

У переселенцев первого поколения есть одна отличительная черта – чем продолжительнее период от того символического барьера, именуемого «после», тем сильнее проявляется метаморфоза родного языка, обогащенного странными словами-мутантами (смесью родного с иностранным), беспардонно внедрившимися в гладкое полотно нашей речи, при этом восприятие значения слов неожиданно обостряется. Так, скажем, английское *starvation* для меня имеет гораздо меньший эффект, нежели русское *голод*. А финское *koti* по глубине восприятия

будет слабее, чем русское *дом*. Эмоциональная связь с родным языком за пределами родины значительно

усиливается, в то время как рамки его использования заметно сужаются.

В эмиграции мы становимся более терпимыми, мы учимся принимать разные культуры и обычаи, даже если они нам чужды и непонятны, мы учимся не привязываться к вещам, ведь однажды мы уже потеряли все – дом, работу, друзей, знакомые маршруты, привычное времяпрепровождения, кучу разных мелочей и даже природу. Наверное, мы даже становимся немного философами.

Ностальгия имеет удивительную черту преобразовать и видоизменять прошлое. В студенческие годы мы часто собирались большими компаниями дома у знакомого японца, профессора русского языка. У него было много интересных книг на японском, русском и английском. Мы брали их почитать, иногда забывали возвращать и с невинным выражением лица обещали вернуть в следующий раз. Он хорошо помнил место каждой книги на своих полках, занимавших три стены от пола до потолка, и всегда помнил, кому он ее дал – феноменальная память, ведь профессору Йокояме было уже далеко за шестьдесят. Кроме книг в его доме было огромное собрание произведений искусства – от живописи и каллиграфии до японских кукол и всевозможных деревянных фигурок. Для нас, юных студентов факультета филологии, это был не дом, а сундук Пандоры. Удивительными были и люди, бывавшие в гостях у профессора Йокоямы. Зайдя к нему на чай, можно было встретить музыкантов-барабанщиков Кодо, чьи ритуальные барабанные ритмы воспроизводят обычаи древних аграрных традиций Японии; актеров гастролировавшего тогда у нас театра Кабуки; мастеров икебана.

Обстановка в доме у профессора всегда была неформальной, поэтому мы так любили этот старый дом в центре Киева, – вверх по небольшому переулку, всего в пяти минутах ходьбы от знаменитых Золотых Ворот, – эту лестницу с огромными пролетами и квартиру на четвертом этаже. Нам никогда не нужен был повод, чтобы зайти к профессору Йокояме, а понятия времени на этом маленьком кусочке Японии в самом сердце беспокойного Киева не существовало в принципе, и мы часто засиживались до полуночи, потом в спешке пытались поймать последнее метро.

За свою жизнь профессор много попутешествовал, прежде чем осесть на этом историческом клочке земли, у самых ворот, некогда ведущих в Верхний город, где тысячу лет назад жили бояре и князья Киевской Руси. Он мог в мельчайших деталях описать терракотовую армию у мавзолея первого китайского императора Цинь Шихуанди, Зимний дворец в Петербурге или знаменитый золотой павильон Кинкакудзи в Киото; он цитировал наизусть хайку Басё и тут же их переводил, не полагаясь на книжные переводы, пересказывал целые отрывки из «Войны и мира» Толстого, «Старик и море» Хэмингуэя и других мировых классиков; он был осведомлен о самых новейших веяниях в искусстве, и, казалось, не было предела способностям этого человека. Пожалуй, в чем-то он был похож на свой дом, и мы с ненасытной жадностью вбирали в себя каждую крупинку информации, которой он был пропитан. Однако, несмотря на свою феноменальную память в литературе и искусстве, профессор Йокояма любил повторять свои истории несчетное количество раз, совершенно забыв, что он нам их уже рассказывал. Мы охотно прощали ему эту забывчивость, потому что само присутствие этого необычного человека в нашей жизни было удивительным подарком судьбы.

Его супруга – простая украинская женщина, носилась вокруг нас с закусками и напитками (эдакой смесью славянской и японской кухни), чтобы мы ни в коем случае не ушли домой голодными, отбирала у самых активных бутылки с алкоголем и учила желающих делать суши, которые после многих лет брака с профессором у нее получались не хуже, чем у самих японцев.

– Какой Ваш любимый фильм советского периода? – спросили мы как-то профессора Йокояму, мысленно пытаюсь угадать его ответ.

– «Мимино», – не задумываясь ответил профессор и улыбнулся своей загадочной улыбкой.

Я разочарованно вздохнула и посмотрела на своего приятеля (в тот день нас было только двое), на его лице я прочитала то же выражение разочарованности и непонимания. В основе сюжета фильма «Мимино», как мы помним, лежит история летчика Валико в исполнении Вахтанга Кикабидзе, перевозящего грузы в небольшом городке горных районов Грузии. Однажды, застряв на аэродроме в Тбилиси, Валико встречает старого знакомого из летного училища, который теперь управляет большими пассажирскими лайнерами на международных авиалиниях. С того дня Валико мечтает о большой авиации и за этим отправляется в Москву. Однако, добившись своей мечты, герой не чувствует ожидаемого удовлетворения и счастья, и вместо чужеземных панорам перед глазами Валико все чаще всплывают родные горы и его маленький вертолет. «Если связать вертолет цепью, – спрашивает его малолетний племянник, – то кто победит?» «Цепь,» – отвечает Валико.

Я пересматривала этот фильм не один раз, и все время удивлялась, что же такого интересного нашел в нем профессор Йокояма, чтобы назвать его самым любимым среди многочисленных шедевров советского кинематографа. И вот, однажды вечером, на шестом этаже типовой финской семиэтажки, в своей квартире с огромным окном на всю стену и видом на небольшую сосновую рощу я решила снова пересмотреть «Мимино». Без проблем отыскав фильм на Youtube, я с благодарностью подумала о создателях World Wide Web и вспомнила профессора Йокояму. Мне очень хотелось верить, что он все так же принимает гостей в своей просторной квартире у Золотых Ворот и рассказывает им бесконечные истории из своей жизни. С тех пор на вопрос о любимом фильме советской эпохи я всегда не задумываясь отвечаю «Мимино», и загадочная улыбка профессора неизменно проплывает у меня перед глазами.

«Только цепь-то порвалась, – каждый раз хочется сказать мне главному герою, цепь порвалась...»

Суоми

Главный вход Центральной Железнодорожной станции в Хельсинки

Женщины-эмигранты – это особая категория переселенцев, наиболее беззащитная и уязвимая. Им труднее найти работу, чем оказавшимся в таком же положении мужчинам. Они часто становятся жертвами своих мужей и всевозможных «добродетельных» организаций. В случае беды, им некуда пойти, не с кем посоветоваться, а плакаться такой же подруге по несчастью бывает просто стыдно. Нередко присутствует еще и языковой барьер, таким образом, шансы на получение какой-либо мало-мальской помощи практически сравниваются с нулем.

Путешествуя по Иордании, я наблюдала за жизнью и бытом иракских беженцев. И здесь особое внимание хотелось бы обратить на беженок, которые зарабатывают себе на хлеб тем, что продают сигареты в переходах, убирают в домах зажиточных йорданок, которые, кстати сказать, не так давно сами были беженками из соседней Палестины, – какая ирония судьбы! – или пытаются сбыть всякую мелочь путем door-to-door трейда. Лишенные всего, а главное, надежды на то, чтобы быть принятыми, они растят своих детей, которым часто приходится ходить в школу за несколько километров от дома. По этой и по многим другим причинам дети иракских беженцев в Иордании часто вообще не посещают школу. Конечно, среди беженцев в Иордании есть и весьма зажиточные, преуспевшие в том или ином бизнесе. Однако это повествование не о них.

Мы часто бродили по забытым уголкам Иордании, наблюдая за жизнью бедуинов, которая мало изменилась за последние столетия индустриальной революции и технического прогресса. Именно там, в Иордании, в этой красной пустыне, где все за день покрывается бурой пылью и даже воздух от этого кажется бурым, где еще совсем недавно, до переселения палестинцев, были лишь бедуины со стадами овец да скорпионы в песках вади Рам, я поняла, что нет предела человеческому одиночеству. В памяти всплывали фигуры древних пророков, их простая и непритязательная жизнь, и их послания, обращенные ко всем нам – в прошлом, настоящем и будущем. Это были послания мира, единства и взаимоуважения, которые мы так быстро забыли и превратили в мертвый культ, коему можно предаваться по пятницам, субботам или воскресеньям, или даже пять раз в день – не задумываясь, мало что понимая и, более того, не желая понимать. Это как замкнутый круг, единственным выходом из которого – разбить его, протянуть друг другу руку, вспомнить о том, что все мы дети Земли и в землю вернемся.

Это странное, почти невероятное стечение обстоятельств, это мистическое соединение химических элементов, давшее не только начало, но и само определение жизни, послужило причиной, по которой мы все сейчас ходим на работу, пьем свой утренний кофе, читаем вечернюю газету. И, быть может, именно в этой исторической памяти заложены секрет единства и способность к принятию. Возможно, вернувшись к нашим доисторическим истокам, мы научимся жить так, чтобы не разрушались семьи, и тогда можно будет помечтать за стаканом ароматного вина в маленькой столовой у стен монастыря в горах Кипра об утопическом обществе. А может быть, даже попытаться его построить.

Речь, однако, пойдет не о Кипре и не о Иордании, а о суровой Скандинавской стране, которую зимой заметает снегами, превращая в царство Снежной Королевы из сказки Андерсена. Страна Суоми, где по дороге на Северный Полюс, вероятно, можно встретить старую саамку, с которой повстречалась Герда, потому что народ саамов там проживает до сих пор. Оттесненные далеко к северу, они редко смешиваются с финнами и ведут обособленный образ жизни. Численность *saamelaiset* или *sami* в пределах страны Суоми невелика, всего около шести тысяч человек. Согласно одной из версий, само название этого народа происходит от слова «земля», что как нельзя более подходит этим древним шаманам, с таким трепетным уважением относящимся к душам своих умерших предков.

Однажды, во время одного из своих путешествий по малолюдным финским городкам, случилось мне повстречаться со старой самкой.

Путь мой начинался с Центральной железнодорожной станции в Хельсинки, рядом с которой расположился небольшой автобусный терминал – скорее просто группа остановок под открытым небом, откуда уходили автобусы в направлении зоопарка, несколько дальних маршрутов и внутригородские. Мой автобус уходил из центрального автобусного терминала Камппи, куда я и направилась, спустившись в метро, находящееся прямо под гранитными плитами вокзала. Однако здесь хотелось бы немного задержаться, чтобы описать здание Центральной железнодорожной станции, разительно отличающееся от своих сестер из других европейских и скандинавских стран. Выполненное в стиле Art Nouveau или попросту модерн, оно монолитно восседает в центре города, своими гранитными стенами напоминая скалы и утесы Скандинавского полуострова. Отличительными чертами станции является башня с часами и две пары фигур, держащие в руках сферические лампы. Архитектор Элиэль Сааринен на удивление гармонично объединил элементы различных движений искусства с основной темой финского национального деревенского стиля. Тем не менее, ярко выраженный стиль модерн особенно акцентирует внимание на статуях с лампами, в хмурые дни и темные ночи освещающие начало пути и встречающие уставших путников.

Итак, оставив позади гранитные стены Центральной железнодорожной станции, я отправилась в главный автобусный терминал – ультрасовременное здание, выполненное из стекла и металла, с четкими линиями магазинов, кафе, ресторанов, банков, почтового отделения и других таких необходимых для жизни среднестатистического гражданина учреждений.

Отыскав свою платформу, в предвкушении увлекательного путешествия, я вошла в автобус и забралась на мягкое сиденье. Тут-то я и заметила свою необычную попутчицу. Справедливости ради, надо отметить, что поначалу я приняла ее за финку. Роста она, правда, была невысокого, волосы темные с проседью, а в маленьких глазах отражалась та мудрость, которую нам может подарить лишь жизнь, полная трудностей и потерь. Путь наш продолжался около полутора часа, и она рассказала мне одну легенду, передающуюся в их народе из уст в уста. Легенда эта была о сотворении мира и о противостоянии добра и зла. Она гласила о том, как верховный бог Юбмел во время акта сотворения наполнил озера молоком и каждой траве дал по ягоде, однако злой дух Перкель воспротивился подобному земному раю, и объявил войну Юбмелу, таким образом, мир стал таким, каким мы его знаем. Противоборство между Юбме-

лем и Перкелем, однако, на этом не закончилось. Заковав верховного бога в цепи, коварный дух зла погрузил землю во мрак агрессии и невежества до тех пор, пока Юбмел не вырвался из оков. Это бесконечное противостояние добра и зла продолжается и по сей день: Скует Юбмел Перкеля цепями, и на земле восстанавливается справедливость, вырвется из цепей Перкель – и мир снова погружается во мрак; войны и бесчинство берут верх над добродетелью. Так всегда было, и так всегда будет, пока стоит мир.

Я слушала ее молча, не перебивая, а когда автобус подъехал к небольшому городку Порвоо, где мне нужно было выходить, вежливо попрощалась. Больше я ее никогда не видела. Но ее глаза и рассказанная ею легенда еще долго не выходили у меня из головы. И, глядя на суровые гранитные скалы, я воображала сидящего там духа зла, огромного, страшного, закованного в тяжелые цепи, вот-вот готового вырваться на свободу. Подобное фантазмагорическое зрелище так соответствовало окружающей природе, этим высоченным вековым соснам, кристальным озерам, холодному вспененному морю, по которому когда-то вели свои корабли викинги, ворвавшиеся в прочный, казавшийся незыблемым, мир Киевской Руси, пришедший на смену изящному миру римлян и эллинов.

Однако дух зла, этот вечный искуситель, не мог больше оставаться таким, каким представляли его древние саамы. Он преобразился, приспособился, он научился красиво одеваться и пользоваться парфюмом, у него была приятная, завлекающая улыбка, он предлагал нам купить очередной айфон в магазине за углом, и он же доказывал нам необходимость Иракской войны. И мы верили, мы поддавались на его мягкий околдовывающий голос, на его убедительные слова, уверенные в том, что Перкель все еще сидит, окованный цепями где-то на безлюдной скале в стране Суоми, в царстве Снежной Королевы. А тем временем, далеко на Ближнем Востоке, горели дома, взрывались бомбы, убивая детей, отрывая конечности немощным старикам, оставляя женщин вдовами, заставляя их бежать в страны, которые были им чужие, которые никогда не станут домом.

Страна Суоми, эта воинственная дева на карте мира, соединяющая необъятные просторы России со Скандинавским полуостровом, пожалуй, стоит уделить немного внимания ее самобытному ландшафту. Турист, приезжающий сюда, непременно спешит запечатлеться на Сенатской площади в Хельсинки, у Белого собора, рядом со статуей Александра Второго, построившего этот город как маленькую копию элегантного Санкт-Петербурга. Здесь вам и чистые улочки с разноцветными домами, и скверики, и фонтаны, и набережная. Здесь и Успенский собор для православных христиан – достаточно лишь подняться немного вверх от набережной, и перед глазами встает скромный, но оттого еще более великолепный силуэт собора, выстроенного из красного кирпича. Купола его гордо вздымаются над городом, и иногда кажется, будто они касаются облаков.

И все же, Хельсинки – это новый город, в нем не чувствуется истории, в нем нет финского духа, той скромной простоты, о которой хочется сказать: *o, sancta simplicitas!* (о, святая простота!). По Хельсинки хорошо бродить вечером, за каким-нибудь воодушевленным разговором об искусстве, этому способствуют множество выставок и картинных галерей, открытых в этом городе, стоящем на Финском заливе, за последние несколько лет. В Хельсинки хорошо сидеть за чашкой кофе и почитать что-нибудь из новых популяризаторских философских изданий. Здесь не найдешь местных традиций, здесь слишком много туристов, слишком много приезжих. Они создают свежую культуру, где старое переплетается с новым, где Восток встречается с Западом; как скульпторы, они лепят современное лицо этого города. Где же найти ее, эту национальную *sancta simplicitas*? Можно поехать в Порвоо – маленький городок в двух часах езды на северо-восток от столицы. Старинные локомотивы, узенькие улочки, выглаженная временем брусчатка, широкая река, разделяющая этот городок на «старый» и «новый». Приятно пройти по тамошним деревянным мостикам, соединяющим эти старый и новый

миры. Быть может, стоило бы обратить на них внимание ученого мира, так активно изучающего возможность построения машины времени, ведь сколько усилий можно было бы сэкономить! И к черту все эксперименты и теории о wormholes! Ведь можно просто приехать в этот маленький провинциальный городок Скандинавского полуострова, ступить ногой на деревянный мост, и вдруг из высокоразвитой индустриальной страны переносишься на несколько столетий назад, и уже ловишь себя на том, что прислушиваешься, а не раздастся ли из-за угла топот копыт. Но нет, и здесь нет того исконного финского духа, который так хочется найти, так хочется понять.

Спустя годы я поняла, что его нужно искать не в городах, а в природе. В гранитных скалах, в вековых соснах, в суровых волнах Финского залива. И если повстречать эльфов и маленьких человечков не удастся, то, быть может, получится понять этих молчаливых людей, сдержанных и немногословных, как окружающая их природа. Они могут показаться холодными и скрытными, как зимний ландшафт этой страны – этакая нация интровертов, в чем-то напоминающая столь же интровертных японцев. Однако стоит растопить эти снега, и глазу открывается удивительное в своих красках финское лето, исполненное благоухания цветов и жужжания пчел. Эти люди сродни книге с длинным предисловием – можно долго ждать, пока доберешься до самого повествования, и от скуки просто закрыть книгу, а можно терпеливо читать строку за строкой и в конце-концов быть вознагражденным поразительным по своей глубине миром, неожиданно открывшимся перед вашими глазами.

Я достаточно долго прожила в этой стране, чтобы узнать все ее прекрасные и уродливые стороны. Я исходила эти суровые леса, пахнущие черникой и тайной. В них так просто потеряться и найти что-то, чего так давно не хватало – это добровольное уединение, в котором мы находим себя, в котором открывается истина. Ведь истина – довольно прихотливая дама, она не любит шума городов, она не любит больших толп, она тоже интроверт. Она скрывается под многолетними слоями иголок в нехоженном лесу, под широкими листьями лопухов, в небольших расщелинах между скал, где сплел свою паутину паук. Иногда ее можно услышать в писке комара над дикими кустами черники. Она может неожиданно махнуть хвостом в прозрачной воде небольшого водопада, берущего начало в тоненькой речушке, протекающей между гранитных скал. Об этих водопадах мало кто знает. Туда мало кто ходит. Мы окрестили их местами для посвященных. Именно там можно понять душу народа, живущего в этой стране. Там же можно почувствовать и ни с чем несравнимую горечь. Горечь заброшенности этих мест, потому что той нации, которая жила в неразрывной гармонии с этими древними скалами и скрытыми от глаза лесными водопадами, больше нет, как нет больше пророков, удаляющихся в горы для созерцания мира. Есть города и новая high tech культура, есть чувство оторванности (так, вероятно, чувствует себя растение, которому обрезали корни!) и чувство растерянности, за последние десятилетия ставшие неизменными симптомами всеобщей глобализации. Эти симптомы одинаковы от Америки до Японии, болезнь прогрессирует с устрашающими темпами, а лекарства от нее пока не придумали. И мы продолжаем пить свой кофе и размышлять о том, насколько несправедливо устроен мир. Именно таким размышлениям предавались мы в женском приюте на окраине Хельсинки, в тихие зимние вечера собираясь небольшой группкой в маленькой гостиной.

Shelter

Вид на приют

Шелтер, турвакоти (от финского *turva* – защита и *koti* – дом) или попросту приют, – так называли мы убежище, предоставляемое некой добродетельной организацией женщинам, спасающимся от домашнего насилия. Окруженный со всех сторон вековыми соснами, он казался своего рода оазисом человеческой цивилизации среди дикого буйства природы. Подобное впечатление, конечно, было обманчивым. Таких «оазисов» здесь было немало. Эта любовь финского народа к уединению, к созерцанию природы выражалась в том, что часто, прогуливаясь по небольшим лесам и рощам можно было наткнуться на красный деревянный домик с белыми оконными рамами. Отсутствие домиков могло означать только то, что перед вами настоящий дремучий лес. Однако, чтобы в этом убедиться, нужно было непременно обойти его весь вдоль и поперек. Такого рода уединенные поселения чем-то напоминали отшельничью избушку на курьих ножках из сказки про бабу Ягу. Конечно, никакой бабы Яги в Скандинавских лесах не было. Для поиска таковой, пожалуй, стоило бы исследовать родные ей славянские леса. А вот жители в подобных оазисах бывали разные. Случалось, мы подходили слишком близко, нарушали их взлелеянное *privasy*, тогда они прогоняли нас и грозились вызвать полицию, что, конечно, было весьма призрачной угрозой, учитывая уединенность места расположения их «избушек». Однако бывало и наоборот, и заклинание «избушка-избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом» действовало неожиданным волшебным образом. Тогда можно было перекинуться несколькими словами с пожилой хозяйкой и нарвать яблок в ее саду. Ах, что это были за яблоки!

Однако вернемся к нашему повествованию. Итак, женский приют по защите от домашнего насилия находился в самом центре небольшого сосняка. К нему вела широкая подъездная дорога, начинающаяся у скоростной трассы, ведущей к столице сего северного края. Эта дорога, или скорее широко протоптанная и заезженная машинами тропа, зимой замерзала тол-

стым белым льдом, по которому иначе, чем утиным шагом было не пройти. Каждое утро работники посыпали ее толстым слоем песка, а к вечеру от него не оставалось и следа. Рядом с приютом была небольшая детская площадка, сделанная, как это принято у финнов, из подручных материалов. Своего рода безотходное производство, когда старые резиновые покрышки превращают в разноцветные качалки для детей, а ненужные пластиковые трубы – в некое подобие паутины. Такое часто можно было встретить и в стране Советов. Полезная практика, правда, быстро забылась после развала союза дружественных республик, как и многое другое. Ведь это давно известный в психологии факт, что мы склонны запоминать плохое больше, чем хорошее. Но сейчас не об этом. Шелтер этот самый был сродни женскому монастырю. Мужчинам запрещалось приближаться к нему более, чем на двадцать метров, что в принципе означало, не отходить от дороги или, на худой конец, от маленькой парковки, примыкающей к дороге и врезающейся в густую стену сосняка.

Это было не традиционное финское здание из выкрашенных в красный деревянных досок, а белое, гладкое, каменное. Хотя, конечно, не обошлось без белых резных оконных рам, остроконечной крыши и типичного финского крыльца с таким же остроконечным навесом и тонкими деревянными подпорками, выкрашенными в такой же белый. В зимние месяцы здание приюта почти сливалось с окружающими снегами. Вокруг здания не было ограды. Вместо этого были установлены круглосуточные камеры наблюдения, и, сидящая в своем кабинете, дежурная работница приюта время от времени поглядывала на экраны, хотя из окна ей открывалось не менее приличное обозрение дороги и сосняка. По другую сторону приюта, с задней, так сказать, его части был обрыв. Это было так типично для финского пейзажа. Можно было долго идти по вполне себе приличной дороге, чувствуя, что находишься сравнительно невысоко над уровнем моря, и вдруг оказаться на краю обрыва, под прямым углом уходящего в бездну. Конечно, «бездна» – это скорее литературное преувеличение, однако именно такое чувство охватывает человека, внезапно оказавшегося на краю гранитной скалы там, где он этого края вовсе не ожидал. Тут уж не то, что бездна, а и сама геенна огненная померещится от эдакого эффекта неожиданности. Справедливости ради, надо отметить, что над этой самой «бездной», глубина которой на самом деле была от силы метров десять, заботливые работники приюта, а может, и самой организации-учредительницы, установили невысокую проводочную ограду. Защита, конечно, призрачная, скорее отмечающая территориальные границы, но с официальной точки зрения придаться было не к чему. К счастью, трагичных случаев на этом участке приюта пока не было, хотя один неприятный инцидент все же произошел и долго еще будоражил сердца как работников, так и временных постоялиц приюта. Дело в том, что самые отчаянные поступки, как правило, совершаются теми, от кого мы меньше всего этого ожидаем. Возможно, именно поэтому они имеют на нас некий эффект вспышки молнии в чистом небе. Однако, об этом позже.

Внутри помещение шелтера было разделено на две половины и могло вместить при необходимости до сорока представительниц прекрасного пола. Учитывая же, что большинство жительниц приюта были с детьми, то общее количество женщин обычно не превышало двадцати. Это, конечно, весьма облегчало работу, как физическую, так и психологическую. А ее, то есть, психологической, было немало. У каждой постоялицы была своя история, свой жизненный путь, свой характер. Не каждая готова была вот так с ходу раскрыться. Иногда приходилось вместе плакать, качать детей на качелях, ходить за покупками, прежде чем услышать то тихое, самое откровенное излияние души.

В левой части приюта располагалось несколько комнат для постоялиц, помещение склада и подсобное помещение для стирки и сушки белья. Правая половина состояла из двух кабинетов для работников шелтера, в одном из которых находились экраны камер наблюдения, о которых уже упоминалось выше, другой же был предназначен для личных, так сказать, tête-à-tête, бесед с новоприбывшими жилицами сей женской обители. Далее по коридору была

небольшая светлая гостиная с телевизором, который, впрочем, включали редко, а также креслами и диванами не первой свежести, но все же довольно мягкими и уютными, особенно если учесть положение постоялиц, которым было явно не до дизайнерских изысков оформителей приюта. Окна гостиной выходили на сторону обрыва, и совершенно непонятно было наличие между ними балконной двери, которую, конечно же, держали запертой вне зависимости от времени суток и года. Рядом с гостиной располагалась столовая, где по большей части и происходили самые важные разговоры и события приюта, а поскольку оба помещения были выполнены в стиле современной открытой планировки, то находящиеся в гостиной подчас становились свидетелями самых комичных и драматичных сцен, нередко разыгрывающихся в столовой. Окна столовой выходили на детскую площадку, а за ней виднелась та самая парковка, где время от времени останавливались мужья в надежде поговорить со своей утраченной половинкой. Утверждать, что все они были негодяи и мерзавцы, не берусь, поскольку известны случаи, когда женщины с помощью приюта пытались просто уйти от надокучивших им супругов и получить отдельное жилище, которое при подобных обстоятельствах выделялось им государством. Жалко было смотреть на этих убитых горем мужчин, изо всех сил пытающихся наладить отношения и сохранить распавшуюся семью. Однако в большинстве случаев женщины приезжали сюда в состоянии глубокой физической или психологической травмы, часто прямиком из больницы, и оправдание сильной половине в подобных ситуациях найти было трудно.

Итак, широкая светлая столовая была, можно сказать, центром и сердцем приюта. В ней собирались не только для поглощения полезных (и не очень!) продуктов питания, но и с целью обсудить последние новости, обменяться опытом по воспитанию детей и просто понаблюдать из окна за детской площадкой, а заодно и проверить, не приехал ли кто с визитом. Причем, собирались как жительницы приюта, так и его работницы, работающие в две смены. К столовой примыкала большая, хорошо оборудованная кухня, где сотрудницы шелтера посменно готовили еду своим постоялицам. На гладкой стене над разделочным столом висело расписание смен и меню, в которое входил типичный финский завтрак, состоящий из мюслей, кофе, хлеба с маслом и варенья. Иногда на стол подавали фрукты, из тех, что были доступны по сезону. Завтрак начинался в семь утра и заканчивался в половине девятого. Около полудня по расписанию полагался небольшой coffee time, после чего следовали обед, полдник и ужин. Можно было сказать, что жительницы приюта содержались на вполне приличных условиях, и желать им было уже нечего, и все же каждая из них мечтала вернуться домой. Конечно, понятие дома у них отличалось друг от друга, и в то время, как одна пыталась наладить отношения с мужем, другая с нетерпением ждала, чтобы ей дали квартиру, а третья и вовсе подумывала о том, чтобы уехать назад в свою страну, к родным и близким, туда, где все было мило и знакомо, где вера и традиции впитывались с молоком матери.

Там же, на правой половине приюта, находилось еще несколько комнат для постоялиц, небольшой уголок с компьютером для коммуникации с внешним миром, кроме того, второе подсобное помещение для стирки и сушки белья и еще несколько кресел для вечерних посиделок. Жизнь в приюте протекала мерно, согласно расписанию, как и положено в традиционном финском обществе. И лишь иногда это размеренное течение времени прерывалось неожиданными встрясками со стороны некоторых постоялиц.

Так было и в тот день. Это была суббота, и с самого утра можно было услышать разгоряченные голоса женщин, о чем-то спорящих в столовой. Судя по голосам, это были Ум Нур и Радия, две женщины-мусульманки, о которых пойдет речь ниже.

Ум Нур

Ум Нур по-арабски означает мать Нур. Называли мы ее так ввиду того, что Нур была ее младшей дочерью. И хотя, согласно арабской традиции, полагалось бы называть ее от имени старшего сына, но поскольку в начале этой истории он выступает скорее как негативный персонаж, то и от упоминания его имени пока что, пожалуй, удержимся.

Когда она впервые представилась, мы, в силу своего не арабского происхождения, имени ее не разобрали и, чтобы не ставить женщину в неловкое положение, стали называть ее Ум Нур. Она была не против и, кажется, даже рада такому варианту, поэтому никто больше не спрашивал, как ее зовут. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что имя у нее было достаточно простое – Ахлам, что на арабском означает «надежда», «мечта». Это имя как нельзя лучше соответствовало ее спокойной уравновешенной натуре, ее неисчерпаемой надежде на лучшее и вере в добро. Правда, именно у таких людей все самые глубокие переживания души зачастую проходят незаметно для постороннего глаза. Они боятся нагрузить других своими проблемами, они улыбаются, даже когда потеряли все, они всегда стараются помочь, хотя сами больше всего нуждаются в помощи, их слезы можно увидеть лишь украдкой, изредка, случайно. Эти люди – как сундук Пандоры, хранящий несметное количество сокровищ, о которых можно догадываться, даже зная наверняка, но вряд ли когда-то удастся к ним прикоснуться. Они общительны и приятны в разговоре, но крест своей жизни предпочитают нести в одиночку. И, глядя в добрые глаза этой выдавшей жизнь женщины, хотелось обнять ее, как сестру, хотелось сказать ей, что она не одна, но слова застревали в горле – она и так все понимала, ей не нужны были легковесные слова.

Ум Нур была женщиной лет сорока на вид. Как и большинство иракских представительниц прекрасного пола, она носила черный платок. Подавляющая часть женщин Иордании и Сирии отдают предпочтение белому платку. Разительно отличаются от них сестры с Персидского залива, так умело комбинирующие яркие цвета и высокие начесы под платком, как реминисценция далеких шестидесятых с их изысканной женственностью и экстравагантностью. В то же время иракские женщины в своей манере одеваться зачастую отличаются элегантно-простотой, сочетая платок на голове с современной повседневной одеждой. Черный цвет платка – наиболее распространенный среди них, он красиво оттеняет их гладкую кожу и большие темные глаза и лишний раз доказывает универсальность черного цвета как такового. В этом черном платке, перекинутом через голову и аккуратно затянутом вокруг шеи без лишних слоев, есть что-то величественное и нетленное. Какая-то царственная простота появляется в чертах женщины, не стремящейся украсить себя множеством безделушек и ярких слоев, не старающейся привлечь взгляд. Именно такой, царственной и величественной, увидели мы Ум Нур, когда она постучала в дверь приюта.

Ум Нур принадлежала к числу тех людей, которые больше слушают, чем говорят. В уголках ее пронизательных глаз собрались тонкие лучики морщинок, какие бывают у веселого человека. И, если постараться, можно было представить себе, как она смеялась в молодости. Возможно, в силу своего положения, на красивом лице ее теперь лишь изредка проскальзывала тихая улыбка, однако веселый огонек еще не погас в ее глазах. Бывшая учительница школы, Ахлам свободно говорила по-английски и сначала самостоятельно изучала финский, а позже записалась на языковые курсы для эмигрантов. Можно было только удивляться энергии и целеустремленности этой женщины, которую не сломали ни война, ни пережитые потрясения. Муж ее погиб через год после начала второй Иракской войны. Столкновения сил партизанов с оккупационными войсками не прекращались в Багдаде и других городах со дня вторжения в Ирак войск коалиции. Однако Ахлам потеряла своего спутника жизни не от пули оккупантов. Его машину подорвали, и он сгорел заживо.

После казни Саддама Хусейна в две тысячи шестом году военные противостояния не только не ослабли, но усилились. Предполагаемого оружия массового поражения, послужившего официальным поводом для военных акций, развернутых в Ираке, у Саддама не нашли, однако это не помешало учинить над ним смехотворный суд, напоминающий скорее фарс, чем акт правосудия. В то же время в городах бушевала стихия, вылившаяся в вандализм и мародерство. Обострилась и раздуваясь, как мыльный пузырь, вражда между двумя ответвлениями Ислама – суннитами и шиитами. Подавляющее большинство шиитов на юге страны творило ничем не оправданные бесчинства по отношению к своим братьям суннитам, а те соответственно не оставались в долгу. Горели машины, взрывались мечети, на улицах то и дело находили изувеченные трупы людей. Казалось, миру и любви уже не место на этой вековой земле. Снова горел древний Вавилон, как это уже было тысячи лет назад, когда была утеряна бесценная библиотека этого города-государства в Междуречье, и призраки шумеров витали над обугленными улицами. И хотелось вспомнить нетленные законы Хаммурапи, некогда царившие на этой земле.

Ахлам и ее муж жили в Багдаде, где они получили большую трехкомнатную квартиру по программе, основанной Саддамом Хусейном для помощи молодым семьям. Супруг ее был исследователем в биологической лаборатории, а также читал лекции при университете. Кроме того, в отличие от самой Ум Нур, он принадлежал к мусульманам-шиитам, что сыграло немаловажную роль в дальнейшей судьбе женщины, поскольку в смерти его безо всяких, впрочем, доказательств обвиняли вооруженную банду суннитов. Принадлежность к двум противоположным ответвлениям Ислама, тем не менее, не помешала Ахлам и ее супругу создать крепкую семью и родить троих детей. Ум Нур была родом из Эль-Фаллуджи, прославившейся своим активным сопротивлением суннитов и партизанской войной против оккупационных сил. Родственники ее супруга проживали в Эль-Куфе и позже переехали в Багдад, обзаведясь хорошим жильем и весьма доходным бизнесом. Как вспоминала сама Ум Нур, до начала этой кровавой бойни браки между суннитами и шиитами были самым обыкновенным делом. Война не только уничтожила так называемого диктатора, стерла с лица земли исторические города, убивала и калечила, – что хуже всего, эта война внесла раскол в общество и семьи обыкновенных иракцев. И если раньше кто-то мог недолюбливать другого за резкие выражения или привычку долго засиживаться в гостях, то теперь это переросло в настоящую ненависть на религиозной почве, как это произошло в семье нашей героини.

Родственники Ум Нур со стороны мужа после его гибели стали относиться к ней весьма враждебно, ведь теперь не оставалось того маленького связующего звена, которое могло бы примирить их. Разделенные на суннитов и шиитов, они больше не желали принимать друг друга. Ахлам часто приходилось слышать от свекрови: «Это вы убили моего сына!» И в это многозначительное «вы» она вкладывала столько личной ненависти к своей невестке, что, казалось, оно относилось непосредственно к ней.

Одной лишь ненавистью со стороны шиитских родственников вся эта история не закончилась. Так, однажды утром на дороге у мечети соседи нашли бездыханное тело ее брата, накануне оставшегося на ночную смену. Работавший хирургом в районной больнице скорой помощи, он, по всей видимости, возвращался домой пешком, когда на него напала (конечно же, предположительно, поскольку найти преступников в таких случаях не представлялось возможным) вооруженная банда шиитов. Тело его было изуродовано, заметны были следы пыток. Его молодое лицо распухло и посинело от побоев, одежда была изодрана, крепкая грудь проломлена, и из нее сочилась, а позже застыла темной лужей, кровь. Трудно было передать всю трагедию той минуты, когда соседка позвонила в дверь и потащила Ум Нур к месту происшествия. Ахлам не верила тому, что слышит до последней минуты, пока собственными глазами не увидела тело.

Она ненавидела оккупантов, ведь это они затопили ее страну реками крови, для нее они были вроде варваров или монголов, совершающих набеги на культурные цивилизации своего времени, однако принять подобное зверство от своих же братьев-мусульман она была не готова, ведь это означало остаться в полном одиночестве. Это было предательством! С замиранием сердца думала она о том, что бессердечные мерзавцы, истязавшие ночью ее брата, возможно, каждый день проходили мимо нее по улицам. И, возможно, теми же руками насыпались на прилавки магазинов овощи и фрукты, которыми она кормила своих детей.

У Ахлам было трое детей, и после потери мужа брат стал единственной поддержкой и опорой матери-одиночки. Несмотря на то, что он был самым младшим в семье, и к моменту смерти ему едва исполнилось тридцать, молодой доктор никогда не забывал о своих обязанностях перед сестрой. Теперь его не стало, и она осталась совсем одна. Каждый день с огромным риском для жизни она отправлялась на работу в начальную школу, где работала учительницей английского языка. Овдовевшие, как и сама Ахлам, двое ее сестер бежали вместе с детьми в Иорданию. Они не раз звали ее, но, упорная и несгибаемая, она не желала покидать землю своих предков. С тихой ностальгией в глазах рассказывала она нам о своей жизни до войны.

– Я ездила на работу на такси, в обед мы с сотрудницами пили кофе в небольшом кафе-террии напротив школы, на праздники мы отправлялись всей семьей к родственникам в Эль-Фаллуджу. Мы были счастливы...

Эти ее слова «мы были счастливы» глубоко запали мне в память. Ну конечно, такое ровное, тихое счастье, которое мы не замечаем и начинаем ценить только тогда, когда его больше нет, другими словами не опишешь. «Мы были счастливы» – за этими словами скрываются все неприметные мелочи жизни: небольшая пекарня за углом, куда непременно посылались утром дети за свежим ароматным хлебом таннур (известным арабским лавашом, запеченным в глиняной печи), рядом продавец кебаба, а также магазин с арабским кофе. Все это было простыми доступными радостями, когда за широким низким столом, уставленным мелкими снедями для завтрака, обговаривалась всякая всячина, а по вечерам можно было покурить на балконе нар-гиле. Этого больше не было. Теперь разговоры были только о войне, вражде, ненависти.

Как сказал когда-то Лев Толстой, «если живешь духовной жизнью, то при всяком разъединении с людьми чувствуешь духовное страдание. Для чего это страдание? А для того, что как боль телесная указывает на опасность, угрожающую телесной жизни, так это духовное страдание указывает на опасность, угрожающую духовной жизни человека». Все это было так, однако история нашей героини одними духовными страданиями не закончилась.

Родственники покойного супруга Ум Нур, как уже сообщалось выше, исповедывавшие шиизм, не только восстали против своей суннитской невестки, но развязали против нее скрытую войну посредством ее старшего сына (как будто окружающей войны было мало!). Мальчик находился у них практически все свое свободное время. Здесь важно отметить, что родители самой Ум Нур погибли во время военных противостояний в Эль-Фаллудже еще в середине две тысячи третьего года, когда во время боевых действий в так называемом «суннитском треугольнике» их дом попал под минометный обстрел. Это было только начало, и, исполненная веры и решимости, Ахлам не представляла, каким еще испытаниям суждено выпасть на ее долю.

Не раз, случалось, она и сама попадала в зоны перестрелок, одна из которых ей особенно запомнилась. В ушах стоял невыносимый шум, люди в панике метались по улице, а с неба, вместо дождя, на них сыпались пули. По официальной версии войск коалиции они были проинформированы о том, что в данном квартале Багдада скрывались террористы-мятежники, предположительно имеющие связи с группировкой «Аль-Каида». Информацию эту позже опровергли, только убитых уже было не вернуть к жизни, а потерявшим близких и родных не возратить душевный покой. Наша героиня, возвращавшаяся в то время с работы, решила закупить кое-каких продуктов для дома, поэтому остановилась у небольшого лотка с овощами.

Жители города, давно привыкшие к выстрелам и взрывам, раздающимся то тут, то там, сразу среагировали на появившийся в небе вертолет. Однако то, что произошло несколькими минутами позже, вряд ли удастся описать с позиции беспристрастия. От неожиданного обстрела, люди, находившиеся на улице, бросились врассыпную, стараясь укрыться в стенах торговых лавок, под навесами и прилавками. В подобные минуты, однако, способность трезво оценить ситуацию часто предают наш мозг, и мы мечемся, подобно мотыльку, летящему на свет – к своей гибели. Так, вместо того, чтобы укрыться в ближайшем магазине, один из прохожих вдруг бросился пересекать улицу. «Небесный огонь» безжалостно изрешетил несчастного, и, не добежав до овощной лавки каких-нибудь пять шагов, он рухнул прямо у ног остолбеневшей от ужаса Ахлам. Это был мужчина лет пятидесяти, рубашка его пропиталась кровью, в затуманенных глазах застыли боль и безысходность. Он лежал в неестественной позе, одна рука была заломлена назад, голова запрокинута кверху, ноги перекрещены, а вторая рука, беспомощно упавшая поперек тела, все еще судорожно вздрагивала. Небольшой пакет с орехами, которые он купил, возможно, за несколько минут до смерти, выскользнул из его пальцев и плюхнулся в начавшую образовываться вокруг него лужицу крови.

Наша героиня, уже не раз смотревшая смерти в лицо, вдруг почувствовала себя парализованной, она неотрывно смотрела на лежавшего у ее ног мертвого мужчину, не в состоянии пошевелиться. А пули все так же свистели над головой, и только по милости неведомых сил providения ей удалось остаться в живых. Вероятно, оно, это самое providение, желало сохранить ее для дальнейших испытаний.

«Ни одной живущей душе не посылается больше испытаний, чем она способна вынести,» – так гласил двести восемьдесят шестой аят раздела «Корова» священной книги мусульман Корана, и Ахлам, она же Ум Нур, верила в это свято. Этому она учила и детей, как своих собственных, так и малышей со школы, где она преподавала. Пакет с маленькими цуккини, которые арабы любят начинять рисом и мясом с овощами, задрожал в ее руках. В этот момент кто-то схватил ее за плотный рукав туники и оттащил от лотка внутрь лавки. Это был хозяин лавки – крепкий старик с умным лицом и хитроватыми глазами. В тесном помещении уже собралось довольно много людей, укрывающихся от пулеметного дождя. Они что-то кричали, кого-то звали, раненые корчились от боли, но Ахлам всего этого не слышала, на мгновение ей показалось, что вокруг наступила оглушающая тишина. И только фрукты беззвучно разлетались перед ее глазами, падали на покрытую ранеными людьми дорогу, разбивались – виноград, арбузы, помидоры. Их сладкий сок растекался по асфальту, смешиваясь с кровью пострадавших. В эту минуту она вдруг подумала о детях. Обстрел происходил в небольшом квартале недалеко от ее дома, и мысль о том, что ее дети могут быть в опасности, как таймер подрывного устройства, застучала у нее в голове. Подталкиваемая какой-то неведомой силой, Ахлам вдруг отбросила в сторону пакет с цуккини и рванулась к выходу. Ах, эти неожиданные, иррациональные движения души! Без них наша жизнь была бы напрочь лишена героизма и самопожертвования, которые так трудно понять, но ими невозможно не восхищаться. Именно в силе этих порывов заключается та неисчерпаемая глубина человеческого сердца, которая не поддается измерению. Несколько рук попытались задержать ее, но, обезумевшая от страха за детей, эта скромная женщина вдруг стала сильнее удерживавших её мужчин. В отчаянии вырвавшись наружу, она бросилась бежать по улице, беспорядочно заваленной телами людей и продуктами. Платок на голове ее сполз на затылок, открывая глазу густые темные пряди волос, она сильно запыхалась и, казалось, силы вот-вот покинут ее, но в этот момент случилось чудо – пулеметный огонь вдруг прекратился, и вертолет, сделав большой крюк, повернул прочь, к южной границе города. Остановившись посреди улицы, Ум Нур подняла голову и молча смотрела в чистое небо, на удаляющееся пятно военного вертолета. «Альхамдулиллах,» – прошептала она тогда одними губами и снова бросилась бежать в сторону своего дома, туда, где должны были находиться ее дети. Еще одной потери она бы не перенесла и, ворвавшись в квартиру,

словно вихрь, бросилась обнимать сына и дочь, к счастью, не пострадавших при внезапной атаке. Старшего ее сына, однако, дома не оказалось, по словам младших, он был у бабки с дедом.

Казалось, на этот раз беда их миновала, однако через несколько недель их дом разбомбили, и на месте, где жили, радовались и любили вот уже много лет несколько семей, остались лишь потемневшие, закопченные от огня остоны. Ахлам знала, что идти им было некуда, кроме родственников мужа, которые иначе как религиозного врага ее уже не воспринимали. Именно тогда она поняла, что у нее нет выбора, она не может продолжать жить в этом постоянном страхе за тех, кого любит больше жизни, и приняла решение искать убежища за пределами Ирака. Ехать в Иорданию она боялась, опасаясь распространения внутри-исламского конфликта, возникшего из ниоткуда и расплывшегося, словно язва, по телу ее родины. Она боялась за старшего сына. И учитывая то, что он был шиитом, тогда как большинство населения Иордании составляют сунниты, а кроме того весьма вспыльчив характером, опасения эти были небезосновательны. И все-таки, по настоянию сестер она сделала попытку получить убежище в Иордании. Сестры ее, имевшие кое-какие сбережения, довольно неплохо там устроились. Однако на запрос нашей героини Иордания ответила отказом.

Пока Ахлам пребывала в раздумьях, интересуясь и советуясь со знакомыми и всевозможными организациями, неожиданно поступило предложение от Финского посольства (чудеса все-таки бывают!) предоставить убежище ей и ее детям, и она его приняла. Таким образом, Ум Нур оказалась в Финляндии, за тысячи километров от дома, в кажущейся безопасности. Это призрачное спокойствие страны снегов, оттеснившее на время страхи войны, однако, не смогло уберечь семью Ум Нур от внутренней вражды, которую вселили ее шиитские родственники в сердце ее собственного ребенка. Следовательно, уцелев от пулеметного огня, она не смогла спасти старшего сына от ненависти к своим же братьям мусульманам. Он продолжал общаться с родственниками по телефону и скайпу, и их маленькая семья вскоре разделилась на два враждующих лагеря, на одной стороне которого были Ум Нур с дочерью, а на другой ее сын.

К тому моменту старшему сыну Ум Нур исполнилось восемнадцать, и он, в полном соответствии с европейскими законами, считал себя достаточно взрослым и состоявшимся мужчиной, чтобы устанавливать свои правила в доме. Младший ее сын Мухаммед от страха перед братом часто принимал его сторону, но в отсутствие последнего, был с матерью вежлив и учтив.

Такое положение дел глубоко ранило несчастную женщину, и без того потерявшую все, что ранее составляло ее жизнь. Однако, собравшись с силами, она продолжала выполнять роль доброй и заботливой матери по отношению ко всем трем детям. В то же время необузданная ненависть сына, фактически обвинявшего мать в смерти отца, начинала набирать опасные обороты. «Они убили моего отца! – грубо заявлял он ей, – и ты принадлежишь к ним! Ты нарочно увезла нас всех из Ирака, чтобы мы не могли общаться с родственниками, чтобы стали одними из вас!» В его обвинениях она так отчетливо слышала голос свекрови, что иногда казалось, будто они снова поселились в доме последней. Сын безжалостно выбрасывал предметы ее туалета, критиковал приготовленную пищу, не пускал в дом, издевался над младшей сестрой, пытающейся защитить мать. Временами приступы его ненависти утихали, и им удавалось провести несколько недель в тишине и покое. Старший сын, бросивший колледж и устроившийся продавцом в местный магазин восточных товаров, просил у матери прощения за свои порывы злости, и Ахлам, как и всякая мать, прощала его. Однако после каждого телефонного общения с родственниками из Ирака все снова повторялось, и вскоре перерывы между агрессивными вспышками молодого человека по отношению к матери стали настолько короткими, что это превратилось в ежедневный кошмар.

Могла ли она подумать, что, бежав из охваченной агрессией родины, ей придется столкнуться с не меньшей агрессией в собственном доме! Она, потерявшая все, выросшая в интеллигентной семье и превратившаяся в бездомную беженку ради счастья своих детей. Могла ли

она ожидать такой отплаты со стороны собственного сына? И тем не менее, надо отдать надлежащую дань уважения этой женщине, не возненавидевшей и не проклявшей свое непутевое чадо. У нее была вера. Возможно, вера – это единственное, что у нее оставалось, что давало ей силы двигаться вперед, не опустить руки, не сломаться. Иногда можно было заметить ее склоненной в беззвучной молитве через приоткрытую дверь комнаты. О чем просила она Всевышнего? В чем раскаивалась? Эта тайна навсегда останется между нею и Богом.

Нам же оставалось лишь надеяться на то, что молитвы ее будут услышаны.

Ум Нур пришла в приют для женщин вместе с дочерью в ничем не примечательный холодный январский день. Точнее сказать, был уже вечер. В тот вечер старший сын прогнал их из дома. Пятнадцатилетний Мухаммед не посмел ничего возразить против властного брата, а Нур, отважившаяся вступить за мать, получила крепкую затрещину по своей кудрявой голове.

Обратившись в социальную службу за помощью, Ахлам с дочерью были немедленно направлены в приют, а к зарвавшемуся молодому человеку должны были приставить социального работника, призванного наставить его, так сказать, на верный путь. Здесь надо отдать должное принципиальной работе товарища из социальной службы, поскольку через некоторое время молодой человек стал навещать к матери с сестрой. Он скромно стоял у парковки, ожидая, когда они выйдут, и трудно было представить, что этот простой парень способен на какой-нибудь недобросовестный поступок. Лицо его было приятное, даже слишком приятное, и очень хотелось пробиться сквозь эту обворожительную приятность и понять, что привело его в сию тихую женскую обитель, собственное раскаяние или наущение социального работника.

Первое время у матери с дочерью не было даже сменной одежды, поскольку, уходя в тот день, они не знали, что домой уже не вернуться. Позже им удалось забрать кое-что из вещей во время отсутствия старшего сына. Каждое утро Нур самостоятельно отправлялась в школу на автобусе. Для этого ей приходилось вставать очень рано и уходить с самым началом завтрака. Она едва успевала перехватить чашку чаю с куском хлеба. Ко времени их прихода в приют, Нур исполнилось двенадцать. Была она девочкой, отличавшейся удивительной самостоятельностью и тихим нравом. Она ни разу не была замечена в неуважительном отношении к матери или кому-либо из жительниц приюта. Она любила играть с маленькими детьми других постоялиц шелтера, и женщины часто просили ее присмотреть за малышами. В приюте ее любили все без исключения. Она излучала столько света, что ее невозможно было не любить. Возможно, именно поэтому она удостоилась такого замечательного имени, ведь Нур по-арабски означает «свет», «просветление».

Нур была красавицей, начинавшим распускаться благоуханным цветком. На тонком шумерском лице ее выделялись темные выразительные глаза, в которых можно было заметить скромность и упорство ее матери. Черные густые волосы непослушными кудрями падали на высокий лоб девочки. Из-за выпавших на ее долю испытаний, Нур слишком быстро повзрослела. В ее разговоре не было присущей девочкам ее возраста наивности и отрешенности. И в то же время Нур была мечтательницей. Она не разучилась смеяться, и смех ее звонко переливался в морозном воздухе на детской площадке, когда она ловила заигравшихся там малышей. В отличие от большинства своих сверстников, Нур четко знала, чего хочет. А хотела она стать доктором, как ее покойный дядя, и вернуться назад в Ирак, чтобы помогать людям, пострадавшим от войны, ставшей кошмарным сном для миллионов иракцев. В мечте этой девочки-подростка было что-то отчаянное, что, вероятно, пугало саму Ум Нур, однако невозможно было не восхищаться ее целеустремленностью и отвагой. Нур любила рассказывать нам о своих братьях. И хотя именно старший брат был причиной, по которой они с матерью ока-

зались в приюте, в ее речах не чувствовалось ненависти или обиды, возможно, лишь немного грусти и растерянности, которые являются несомненным признаком любви.

Самым примечательным в характере Нур, пожалуй, была ее страсть к рисованию. А рисовала она все: от чайников на утреннем столе в столовой, малышей, играющих на площадке, до каких-то невиданных фантастичных миров. Но чаще всего в ее рисунках отражалось все пережитое за последние годы войны. Были там и улицы, полыхающие в огне, и ангелы, уносившие души погибших, но самое главное, был ее отец. Много, очень много портретов отца. И только по этим рисункам можно было догадаться, как сильно она по нему скучает и какую рану оставила в ее юной душе его преждевременная смерть. Рисовала она постоянно – за ужином на обрывках салфеток, палкой на снегу у входа в приют, в свободное время в альбоме и даже на компьютере. Работы ее без преувеличения были достойны выставки юных талантов. И все же, скромная от природы Нур альбом свой согласилась показать не сразу. Только после нескольких недель упорных просьб и уговоров перед нами открылся мир ее воспоминаний и фантазий, выраженных в творчестве. Пришлось даже дать клятву, что мы не расскажем об этом альбоме матери, которую девочка очень боялась растрогать своими портретами отца. Самое интересное здесь было то, что мать давно знала о существовании секретного альбома и о его содержимом. Оставалось только восхищаться этими трепетными отношениями между матерью и ее двенадцатилетней дочкой. И, дабы развеять все соображения этики и морали в этом вопросе, спешу сообщить, что за несколько дней до их отъезда из приюта работы Нур были вывешены на стене в гостиной – так была организована ее первая выставка и получено первое публичное признание ее таланта. Однако не будем забегать вперед.

Итак, это была суббота. Из столовой доносились голоса Ум Нур и Ради, хотя, правильнее было бы сказать, только Ради. Об участии в разговоре Ум Нур можно было догадаться лишь по кратковременным паузам в оживленном монологе ее собеседницы и по его, собственно, содержанию. А все дело в том, что обе женщины-мусульманки, согласно запрету своей религии, не могли есть свинину. За последние же несколько дней как обеды, так и ужины в приюте состояли исключительно из блюд, содержащих свинину. Здесь интересно отметить, что в третьем аяте пятого раздела Корана Аль-Маида (Трапеза) делается весьма примечательное исключение из правил для тех, кого заставила нужда и безысходность, однако к нашим женщинам это исключение вряд ли имело отношение. К тому же, Ум Нур принадлежала к тому типу людей, для которых безвыходных ситуаций не существует. Вера ее была фундаментальной и филигранно отточенной. Аят же вышеупомянутый гласит, что те, кого принудил вкушать запретную пищу смертельный голод, а ни в коем случае не страсть к грехопадению, будут находиться в милости у Аллаха.

Как бы там ни было, энергичная и довольно шумная по натуре Радия возмущенно рассказывала своей сестре по вере на ломаном английском вперемешку с финским о том, что уже три дня ничего не ела, кроме кофе и хлеба на завтрак. Чтобы придать своей речи убедительности, она широко жестикулировала руками и чуть, было, не опрокинула на пол блестящую кофеварку. Купке же салфеток, лежавших рядом на возвышении, избежать полета не удалось. Взмахнув в воздухе белоснежными крыльями, они рассыпались по полу, как снег. Ум Нур слушала свою молодую подругу, приехавшую сюда из солнечного Косово, и понимающе кивала, но никаких весомых предложений не вносила. Остальные жительницы приюта, собравшиеся к завтраку, принялись дружно собирать упавшие салфетки. Заметив, что ей удалось обратить на себя внимание окружающих, Радия остановилась у входа в кухню и подозвала заступившую на смену работницу приюта.

– Это несправедливо! – заговорила разгоряченная косоварка, задыхаясь от волнения и цепляя финские окончания к английским словам, – нечего есть! Свинина – не могу... Купить – не могу... Не свинина надо тоже давать...

Работница в белом фартуке и с сеткой на голове виновато развела руками и указала на меню, висевшее на стене, мол, обговорено это самое меню было где-то выше, и ей, простой смертной, не дано было власти менять сей священный текст. Ее беззвучный ответ был таким резонансом к шумному выступлению Ради, что невольно хотелось приподнять рычажок радио и добавить немного звука, а заодно попросить аудиенции у Ее Преосвященства заведующей кухонными приходами, дабы внести некоторые насущные поправки в устаревший манускрипт. В роли этого самого рычажка выступила Ум Нур. Она медленно поднялась со своего места и остановилась рядом с Радией в проеме кухонной двери.

– Если Ваше меню не предполагает других блюд, – спокойно заговорила она на чеканном литературном английском, – тогда позвольте нам самим готовить для себя.

Голос ее звучал тихо, но настойчиво. Работница приюта перевела на нее взгляд и снова развела руками, покачивая при этом головой. Небольшой короткий хвост ее несколько раз колыхнулся под сеткой.

– Не положено, – коротко ответила она, обращаясь к Ум Нур, – а что касается меню, то это нужно обсудить с заведующей.

– Ну что ж, обсудим, – Ум Нур коротко улыбнулась и вернулась на свое место.

В тот же день ламинированный лист с меню из кухни исчез – его забрали для внесения изменений и поправок. А заведующая еще долго извинялась перед женщинами за непредумышленную необдуманность составителей меню. Однако Ахлам эти мелочи, похоже, мало волновали. В те дни она была сильно чем-то озабочена. К тому же дочь ее Нур внезапно сделалась тихой и неразговорчивой. Она бродила по приюту со странным отрешенным видом, и добиться от нее вразумительного объяснения такой внезапной смене настроения было делом, заранее обреченным на провал.

На полу в уборной был найден смятый альбомный лист с небрежно набросанным рисунком. Это был портрет отца Нур – точеные черты, нанесенные в профиль на грубый лист бумаги. Работа была хороша. И хотя мы никогда не видели отца девочки, по этим небрежным рисункам можно было безошибочно определить ее сходство с ним. Что же послужило причиной тому, что этот добросовестно выполненный портрет вдруг оказался смятым в уборной и, вероятно, лишь случайно вывалился из мусорной корзины. Похоже было, что эта неожиданная находка как-то связана с внезапной сменой настроения девочки. Моим первым движением было вернуть уцелевшее произведение искусства его владелице, однако, поразмыслив, что это может неоднозначно повлиять на ее дальнейшее поведение, я передумала и бережно спрятала портрет в свою папку до лучших времен. Вскоре, впрочем, все прояснилось.

Было около часу пополудни. За окном были заметны первые признаки весны, и яркий белый снег, еще недавно покрывавший подъездную дорогу, превратился в грязноватую кашу, в которой подчас можно было погрузнуть по самые щиколотки. Это был тихий воскресный день, и некоторые из постоялиц только что вернулись из церкви. Собравшись дружной компанией в гостиной, мы пили кофе и обсуждали последние новости. Наши сестры-христианки возбужденно рассказывали о том, что услышали в церкви, напевая при этом что-то из церковных гимнов. Дети с шумом бегали вокруг, то и дело прерывая серьезные разговоры веселым смехом и забавными звуками игрушек. Ум Нур в гостиной не было. Не было и ее дочери. Это было странно и непривычно. Компанейская и общительная арабка редко пропускала эти женские посиделки. Кроме того, в тот день она не появилась на обед, а во время завтрака лишь выпила свои неизменные две чашки кофе и молча удалилась к себе в комнату. Нур же не выходила из комнаты с прошлого вечера. Эту странную перемену заметили все, однако ни мать, ни дочь, похоже, не расположены были к обсуждению своих проблем.

Направляясь в служебные помещения, я остановилась ненадолго у стола с компьютером, чтобы привести в порядок разбросанные детьми провода. Комната Ум Нур и ее дочери находилась рядом с компьютерным уголком, оттуда не доносилось ни звука. И вдруг дверь широко

распахнулась, и из полумрака крошечного жилища вылетела чем-то явно взбудораженная Нур. Щеки ее пылали, а в глазах блестели слезы. Заметив меня, она быстро нырнула обратно, однако дверь за собой не закрыла, и я встретилась взглядом с ее матерью. В этом взгляде было столько растерянности, и это так не соответствовало твердому характеру месопотамской вдовы, что я не раздумывая предложила ей свою помощь. Хотя в тот момент я плохо представляла, чем могу ей помочь. К моему огромному удивлению Ахлам пригласила меня войти и неожиданно, пожалуй, даже для самой себя, открыла мне секрет странного поведения своей дочери за последние несколько дней.

Все оказалось очень просто, Ум Нур выходила замуж, и дети, в том числе дочь, не желали принимать сей факт. Дело в том, что примерно через год после их приезда в страну Суоми и получения статуса беженцев, Ум Нур получила письмо от своей тетки из Эль-Фаллуджи. Конечно, это были не бумажные листки, исписанные мелким почерком и сложенные вчетверо в конверт, а самое что ни на есть прозаичное электронное письмо. А сообщалась в этом письме информация весьма важная и любопытная. Как оказалось, у этой самой тетки, вернее у ее мужа, имелся родственник, пребывавший в ожидании решения по запросу о предоставлении ему убежища в Финляндии. Письмо было достаточно прямолинейным, и без лишних слов добрая тетушка прочила этого самого родственника своего супруга в мужья овдовевшей племяннице. Поначалу Ахлам отнеслась к этому предложению весьма равнодушно. Однако письма тетки становились все настойчивее, и уставшая за годы одиночества, а также не в состоянии самостоятельно справиться со старшим сыном, вдова согласилась на виртуальное знакомство в присутствии тетки и ее супруга.

В назначенный день обе стороны собрались у монитора. По одну сторону, в истерзанном агрессией Ираке, сидели тетка Ахлам с супругом и тот самый, выше упомянутый родственник, по другую же сторону была Ум Нур в занесенной снегами стране Суоми. Мороз украсил окна ее квартиры замысловатыми узорами, за окнами слышны были крики рабочих со стройки напротив, рядом на столе приятно пах ароматный кофе.

Говорила в основном тетка, будущие молодожены лишь скромно разглядывали друг друга через экраны мониторов. Махмуд, так звали нового жениха Ум Нур, был уже немолодым, с обильной проседью в темных волосах и густыми усами. При этом, он оказался невероятно застенчивым мужчиной, на вопросы отвечавшим односложно и без конца теребившим вылезшую нитку на рукаве своего пиджака. И все же, несмотря на это, первое впечатление Ахлам о нем осталось положительным.

В тот день, однако, сын ее пришел с работы непривычно рано. Еще младшие не вернулись со школы, когда в замке заскрипели ключи, и на пороге появился он. Увидев мать перед монитором и услышав последние несколько слов из их разговора, молодой человек сразу догадался о происходящем. Этот самый момент, пожалуй, и объясняет все дальнейшие его действия, и становится в какой-то степени понятным его последний порыв агрессии, приведший Ум Нур в приют.

Быстро закончив разговор, Ахлам предложила сыну пообедать, но пища телесная в тот момент мало его интересовала. Заглянув через плечо матери, он быстро пробежал глазами по открытому на полный экран сообщению ее тетки. Женщине вдруг стало стыдно, и она поскорее закрыла окошко сообщений, однако было уже поздно. Он успел прочитать самое главное, а именно описание социального статуса, профессии и характера предполагаемого жениха. Для молодого человека этого было более чем достаточно, чтобы понять – его мать выходит замуж.

– Как ты могла! – в негодовании воскликнул он, глаза его при этом увлажнились, и в них вспыхнули недобрые искорки, – это же предательство по отношению к отцу!

– Сынок, послушай, – она попыталась вразумить его спокойными речами, – твоего отца уже пять лет как нет в живых, да простит его Аллах и дарует ему рай...

– Конечно, – возмущенно перебил ее сын, – сначала твои сунниты убили его, а теперь ты готова выйти за одного из них замуж!

Объяснять что-то разгоряченному молодому человеку было бесполезно, поэтому Ум Нур попробовала пойти на мировую, уверив сына, что ее новое замужество пока еще дело не решенное, однако в это время вернулись со школы младшие дети, и ссора разгорелась с новой силой. В тот день двенадцатилетняя Нур не знала, из-за чего произошла ссора, поэтому добровольно ушла с матерью в приют, подальше от брата-узурпатора. Теперь же, когда будущий жених матери прибыл из далекого Ирака, и свадьба их стала неминуемым фактом, прежде поддерживавшая во всем мать, Нур восстала против этого. Она грозилась уйти к братьям, рвала в клочья свои чудесные рисунки с изображением отца, отказывалась от еды. Девочка любила отца безусловной любовью и бережно хранила память о нем. Казалось, он незримо до сих пор присутствовал во всех, даже самых незначительных, аспектах ее жизни. Таким образом, Ум Нур оказалась перед дилеммой. С одной стороны, столько лет тянувшая бремя матери-одиночки, она чувствовала необходимость в твердом мужском плече, с другой стороны были ее дети, не желавшие принимать нового мужа своей матери. Она знала, что в ее возрасте и положении второго шанса наладить личную жизнь уже, скорее всего, не представится, но потерять детей ради этого самого личного счастья она была не готова. Поэтому очень важно было решить эту проблему сейчас, до назначенного дня бракосочетания.

Закончив свой рассказ, Ахлам тяжело вздохнула и посмотрела куда-то перед собой. Что представилось ей там в ту минуту? Какое решение она готова была принять тогда, скоропалительно, поддавшись минутному чувству безысходности? Комната ее была тускло освещена слабыми солнечными лучами, едва пробивавшимися сквозь плотные облака, за окном слышно было бульканье и журчание весенней капли. В холодном полумраке вырисовывались контуры небольшого стола, заваленного учебниками Нур. Напротив стола разместился небольшой двухстворчатый шкаф, а дальше вдоль стены – кровать Нур. Справа от входа, прямо под окном располагалась такая же кровать-близнец, на которой спала Ахлам. Собственно, на этом скромном ложе мы и сидели все это время. Я перевела взгляд на девочку. Нур сидела в дальнем углу комнаты, тихая и подавленная, вся ее решительность вдруг испарилась, как испаряется роса с первыми лучами рассвета. Она повернулась ко мне, и в ее взгляде так явно проступила надежда, вероятно, на то, что мне удастся отговорить ее мать от принятого решения. Сообразив, что от меня, возможно, сейчас зависит хрупкий мир этой маленькой семьи, я собралась с духом и под села рядом с девочкой.

– Знаешь, Нур, – заговорила я шепотом, ласково перебирая ее длинные густые волосы, – я тебя хорошо понимаю, ведь у меня у самой отец погиб, когда я была маленькой...

– Правда? – Нур посмотрела на меня с зародившимся интересом.

Это была правда, в такую минуту совесть не позволила бы мне соврать. О драме собственного детства я говорить не любила, к тому же, время давно излечило все раны прошлого, остались лишь факты, голые и бездушные – отец погиб, когда мне было пять, я часто завидовала подружкам, идущим под руку со своими папами, еще долго проверяла почтовый ящик и прислушивалась к шагам за дверью, надеясь на чудо. Я тоже рисовала его портреты, правда (в силу возраста и отсутствия художественных способностей), не столь умело, как Нур, а потом прятала их под простыней. Я боялась, что мать найдет их и уличит меня в предательской слабости, ведь мне так хотелось казаться сильной! Я хорошо понимала чувства Нур.

– Как он погиб? – спросила она меня.

– Его убили в Афганской войне, – ответила я, заметив, как взлетели вверх широкие дуги ее темных бровей, – а мать больше никогда не вышла замуж... Ей было очень тяжело...

В темных глазах Нур отразилось сочувствие. Она долго еще слушала мой монолог о тяготах матерей-одиночек, о трудном детстве и о том, как все мы пали жертвами бесчестных войн, унесших с собой дорогих и близких нам людей. Ахлам тоже слушала, и в глазах ее блестели

слезы, те самые, которых никогда прежде мы не видели. И в этой маленькой комнате в женском приюте, отделенной от внешнего мира крутым обрывом и сосняком, мы, такие разные, такие непохожие друг на друга по культуре быта, языку, вере и возрасту, мы вдруг стали родными. Ведь, словами Экзюпери, «если кто-то мыслит иначе, чем я, он не только обогащает меня. Основа нашего единства – Человек, который выше каждого из нас».

Ум Нур поднялась со своей кровати и под села рядом. Назвав меня «сестрой», она вдруг крепко обняла меня. И дочь ее, все это время молчавшая, неожиданно залилась слезами и стала просить у матери прощения. Мои скудные познания в арабском не позволяли разобрать отдельных слов, однако бывают минуты, когда голос, глаза и движения говорят гораздо красноречивее слов. Я с умилением смотрела на это спонтанное излияние чувств, потом взяла Нур за руку и тихо сказала:

– Мне очень жаль, что моя мать никогда больше не вышла замуж... Одиночество – это страшно... Почему бы тебе не познакомиться с дядей Махмудом, может быть, он не такой уж плохой, и вы сможете подружиться?

Девочка молча кивнула и с легкой улыбкой посмотрела на мать. Как приятно было видеть это кроткое согласие. Какая удивительная гармония была между этой женщиной и ее юной дочерью. Действительно, невозможно было не любить Нур!

Через две недели после нашего разговора Ахлам вышла замуж, и они с дочерью покинули шелтер, оставив нам на память фантастические, грустные, пугающие, великолепные рисунки Нур. Мимо них нельзя было пройти равнодушно, каждая ее работа открывала перед своим созерцателем целый мир пережитых страхов, радостей, волнений и любви. Эта тихая всеобъемлющая любовь в рисунках девочки-подростка была своего рода манифестацией жизни. Той самой жизни, которая окружает нас в каждом мимолетном дуновении ветра, в пении птиц, в смехе детей, которая невозможна без любви. И эту любовь, как основу жизни, не способны уничтожить ни танки, ни пулеметы, ни всеобщая ненависть, захлестнувшая мир. Она, как трава, пробивающаяся сквозь толстый слой асфальта, всегда найдет себе путь к свету. Поэтому не одиноки случаи взаимопомощи между отдельными лицами враждующих сторон даже в самых горячих точках военных сопротивлений. И даже в лагере беженцев в далекой пустыне Иордании слышны звуки свадеб и первые крики новорожденных. Потому как, чтобы уничтожить любовь, пришлось бы уничтожить саму жизнь, а это под силу только тому, кто эту жизнь создал.

Надо заметить, что портрет отца Нур так и остался у меня в папке. Я позабыла вернуть его девочке, а после их отъезда из приюта подумала, было, повесить на стену рядом с остальными ее работами, но поскольку это было бы нарушением ее авторских прав, рисунок так и остался лежать, запрятанный глубоко в ящик моего стола.

Прошло несколько лет, прежде чем я снова повстречала Ум Нур и ее дочь, а заодно познакомилась и с остальными членами ее семьи. Однако об этом позже. А сейчас хотелось бы поведать о ее сестре по вере Ради, приехавшей на Скандинавский полуостров из теплого, солнечного Косова.

Радия

В тот день по неизвестным нам причинам с вывески над входом в шелтер «turvakoti» отвалилась первая буква «t». Сделанные из черного пластика, приклеенные к белой стене каким-то специальным стойким клеем, казалось, будто они были написаны чернилами, аккуратно выведенными через трафарет. Притащив из подсобки стремянку, заведующая сама лично взялась повесить на место незадачливую «t», однако из-за своего невысокого роста ей никак не удалось дотянуться до нужного места, и намазанная супер-клеем буква то и дело сползала, скатывалась по крыше навеса и падала в размокшую весеннюю грязь. И все начиналось сначала – непослушную букву мыли, протирали, снова мазали супер-клеем и передавали заведующей, балансирующей на стремянке, словно цирковая акробатка. Так мы провозились полдня, прежде чем решили вызвать бригаду «специалистов», которую, несомненно, составляли мужчины. Здесь придется признать, что некоторые из представителей сильной половины человечества все же устаивались того, чтобы не только приблизиться к нашему монастырю более, чем на двадцать метров, но даже прикоснуться к его священным стенам и (что уж и вовсе из ряда вон!) перекинуться шуточками со служительницами (пардон, работницами!) приюта.

Как бы там ни было, а вздумавшую прогуляться по весеннему бездорожью букву на место прицепили только к вечеру. Тем временем, работницы шелтера сообща с его постоялицами собрались напротив входа, дружно корректируя движения заведующей. «Чуть левее!» – кричала только что заступившая на смену работница с «наблюдательного поста». «Нет-нет, повыше!» – выкрикивал кто-то из постоялиц. Купка собравшихся у входа женщин активно жестикулировала, замешивая ногами грязную кашу, слегка присыпанную мелким гравием. Дети бегали тут же, выкрикивая свои советы в тон взрослым и хватая металлические опоры стремянки, чем привели заведующую в дикий ужас, потому что, как оказалось, она боялась высоты. Зачем она полезла почти на самую крышу навеса при своем страхе высоты, этого, вероятно, она и сама не смогла бы объяснить. Ведь ей ничего не стоило поручить это дело одной из работниц приюта, особенно из тех, что были ростом повыше.

Я уже думала, было, предложить заменить заведующую на сием акробатском помосте, когда к приюту на полной скорости вдруг подъехал серебристый автомобиль марки «Ауди». Собравшиеся у входа женщины быстро обернулись на звук. Машина резко остановилась, издав характерный скрипящий звук тормозов, и оттуда вышел мужчина в черной кожанной куртке. Можно было подумать, что он только что выиграл гонку «Формулы 1», таким гордым и победоносным выглядело его лицо после бахвальской остановки своего железного коня.

Сунув руки в карманы, он уверенно двинулся в нашу сторону. Запрет о приближении к приюту более чем на двадцать метров, похоже, его мало волновал. Завидев этого удалого рыцаря, по всей вероятности, вознамерившегося выкрасть свою прекрасную принцессу из замка, охраняемого огнедышащим драконом, заведующая снова уронила только что вымытую и протертую букву в затоптанную ногами постоялиц грязь и отчаянно замахала руками. От этих беспорядочных движений стремянка покачнулась, и, ухватившись за деревянный резец навеса, заведующая с трудом перевела дыхание и быстро спустилась вниз. Она снова замахала руками, выбежав навстречу незванному гостю.

– Куда Вы? – закричала она, глядя на незнакомца снизу вверх, и голос ее стал властным, – сюда мужчинам нельзя!

Этот странный визитер был по меньшей мере на полторы головы выше нашей заведующей, в его осанке чувствовалась военная выправка, и в сложившейся ситуации твердость этой, уже немолодой, женщины, вставшей на пути у неизвестного исполина, казалась чем-то противоестественным. На вид незнакомцу было около сорока лет. Он был гладко выбрит, густые темные волосы аккуратно зачесаны назад, смуглая кожа контрастировала с белым воротничком.

ком рубашки, выглядывавшей из-под расстегнутой куртки, над бровей у него был глубокий шрам. Собравшись позади заведующей, мы с интересом наблюдали за происходящим. И если во взглядах постоялиц можно было прочесть едва уловимый затаенный страх, возбужденный, вероятно, воспоминаниями о собственной трагедии, приведшей их в приют, то, в отличие от них, работницы шелтера глазели на мужчину, посмеявшегося нарушить установленный порядок, с явным любопытством.

– Я муж Ради, – ответил мужчина, сверкая темными глазами, и при этом как-то странно виновато улыбнулся, давая нам понять, что пришел с миром, – мне нужно ее видеть...

Мы все непроизвольно оглянулись в поисках шумной и энергичной уроженки Балканского полуострова. Еще несколько минут назад стоявшая среди нас и громче всех выкрикивавшая инструкции по месту расположения отвалившейся буквы, Радия вдруг исчезла. Не было и ее полуторагодовалого сына среди малышей, столпившихся чуть поодаль на детской площадке. Это неожиданное исчезновение лучше всего свидетельствовало о том, что мужа она видеть не желает. И тем не менее, заведующая, бросив быстрый взгляд на меня, распорядилась послать за ней.

За последние несколько недель мне удалось сблизиться с нашей балканской постоялицей, и она проявляла ко мне особую симпатию и доверие. Возможно, именно поэтому в качестве некоего посла мира в этих нелегких переговорах заведующая выбрала меня. Быстро пройдя по коридору приюта, я осмотрела гостиную и столовую, заглянула на кухню и, не найдя там Ради, направилась к ее двери. Стучать, однако, не пришлось. Дверь была приоткрыта, а из комнаты доносились сдавленные рыдания, дополненные ревом и криками малыша. Слегка толкнув дверь, я остановилась на пороге, не решаясь ни войти внутрь, ни удалиться. В этот момент ко мне повернулось залитое слезами лицо женщины. «Я не могу! – воскликнула она на ломаном английском, – я больше не могу!» С этими словами она вдруг повернулась ко мне спиной и приподняла тяжелый вязаный свитер. Моему взгляду открылись глубокие порезы на ее светлой коже – два почти параллельных шрама, сделанных по всей вероятности ножом. Такие же шрамы были на ее руках.

Уверив Радию, что она находится в полной безопасности, я направилась обратно к выходу из приюта, чтобы доложить заведующей о том, что постоялица Радия не жалуется видеть своего супруга. В нашей монастырской обители волеизъявление женщины было законом, преступать который не взялась бы даже заведующая, даже при угрозе внешней агрессии.

Путь, который еще несколько мгновений назад я преодолела в считанные минуты, вдруг показался мне длиннее вечности. Руки мои тряслись, внутри все пылало от гнева. Я пыталась себе представить, что могло двигать человеком, на вид весьма морально устойчивым, чтобы намеренно причинить страдания другому. И не кому либо, а собственной жене, по всем уставам и канонам нашего, пускай не совсем здорового общества, обязанной быть ему самым близким человеком. Так, направляясь к выходу, я пыталась придать своему лицу бесстрастное выражение, стараясь глядеть прямо перед собой и подбирая вежливые слова. На самом же деле мне очень хотелось взять что-нибудь тяжелое и ударить по самоуверенному лицу этого высокого красавца. Я тут же усмехнулась недалекости этого эмоционального порыва и, сделав глубокий вдох, вышла на улицу.

Стараясь не смотреть на стоявшего все в той же позе супруга Ради, я сообщила заведующей, а в том числе и ему, что наша постоялица сегодня видеть его не готова, и, возможно, ему стоит прийти в другой день. Это заявление он воспринял довольно спокойно и, улыбнувшись все той же виноватой улыбкой, поспешил откланяться. Был ли тому причиной телефон, демонстративно сжатый в руке заведующей, готовой в любой момент призвать на помощь органы правоохранения, или что-то еще, тем не менее, закончилась эта сцена без каких-либо проявлений агрессии.

В тот же вечер, когда малыш Радии уснул, она рассказала мне свою историю. В комнате царил полумрак. На столе горел тусклый ночник, свет которого выхватывал из темноты лишь отдельные предметы, находящиеся в радиусе полуметра от самого стола. В дальнем (темном) углу комнаты, в переносной колыбели, какие часто берут с собой родители, путешествующие в караванах, спал, мерно посапывая маленьким носиком, сын Радии. Мы говорили шепотом, склонившись друг к другу совсем близко, так, что наши волосы соприкасались, и причудливая тень от наших силуэтов ползла по стене, плавно переходя на потолок и там теряясь в отсутствии фотонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.